

Предисловие

После выхода этой книги прошло больше времени, чем, казалось бы, целая эпоха, описанная в ней. Ее беспокойному лирическому герою Альберту уже за пятьдесят, и стоит сразу подтвердить, что он по-прежнему чист, даже не пьет, и по-прежнему находится в поисках ответов на всё более сложные вопросы, хотя и на качественно новом уровне. Повествование начинается весной 1988 года, и сегодня, пожалуй, никого не удивит, что оно немедленно погружает читателя в мутную и неприятную атмосферу молодежных банд и асфальтных войн, от которых изнывала в те времена советская периферия. Иначе было в год выхода романа, в 2010-м, — тогда это было по факту единственное произведение, в котором была поднята и достаточно добросовестно освещена данная тема, во многом болезненная и травматичная для моего поколения. В последующее десятилетие и в Казахстане, и в России начали появляться и другие книги и фильмы, посвященные таким же событиям,

причем сюжет в большинстве из них был идентичным. Как правило, речь шла о том, как миролюбивый, беззлобный, абсолютно безобидный подросток решает присоединиться к одной из банд, надеясь таким образом защититься от повсеместных издевательств и насилия, царивших тогда в большинстве школ, ПТУ и на улицах наших городов. Разумеется, ничем хорошим это закончиться не может, что вполне наглядно и показано во всех этих произведениях последних лет.

Для алма-атинского мотальщика выход был достаточно тривиальным — отъезд к татарским родственникам в далекий совхоз, потом поступление в вуз с сохранением дистанции от родного района, рок-группа. Альберту довелось участвовать в двух из трех или четырех групп, первыми начавших исполнять живьем панк-рок и пост-панк в его стране, но вслед за своими британскими кумирами он срывается в новую пропасть, из которой тащит себя за волосы на протяжении всей оставшейся книги. Как бы невероятно это ни казалось, но ему это в итоге удается, — вот почему он и пытается поделиться своими выводами с другими, хотя он и далек от поучительной тональности американских авторов бестселлеров о «помощи самому себе». Между тем автор получил уже не один отклик от читателей, которым его книга реально помогла в их собственной борьбе с различными внутренними демонами, и эти драгоценные отклики составляют предмет его наивысшей гордости и писательского

счастья. Альбертова формула сознательной воли, где это самое осознание причин, по которым ему так сильно нужна свобода, было выстрадано, далось ценой труднопереносимой боли и едкой горечи потерь. Сама по себе она проста, как глоток чистой воды: воля + осознание = свобода.

Эльдар Саттаров, март 2024 года

Ибо всякий-то теперь стремится отделить свое лицо наиболее, хочет испытать в себе самом полноту жизни, а между тем выходит из его усилий лишь полное самоубийство, ибо вместо полноты определения существа своего впадают в совершенное уединение.

*Ф. М. Достоевский.
Братья Карамазовы*

ГЛАВА I

Побег к пределам известного мира

1

Все дело в том, что ветер в Алма-Ате всегда был явлением достаточно редким и потому необычным, ведь наш город окружен высокими горами, и к ветреной погоде мы не особо привычны.

Помню, что в тот день я вышел на улицу около десяти утра. По ярко-синему небу, как всегда, неторопливо ползли ленивые перьевые облака, но я сосредоточенно смотрел вниз, старательно обходя зеленоватые, болотно-маслянистые лужи, скопившиеся после ночного дождя на испещренном трещинами и выбоинами асфальте. Мы снова учились в первую смену, но к первому уроку меня идти ломало. Теперь я раздумывал над тем, стоило ли появляться сегодня в школе вообще. Я колебался между правильным, но абсолютно бесполезным выбором и относительной свободой траектории своих движений по улицам. Склоняясь к тому, чтобы сходить все-таки в школу, я не мог решиться отсидеть за партой

больше одного или двух уроков. На некоторых из них монотонное безделье или выполнение непонятных и неинтересных заданий казалось настолько непереносимым, что выбор в пользу прогула становился просто автоматическим. Например, на физике — на нее я ходил в среднем где-то раз в неделю, от силы. А на химии я за третью четверть вообще не был еще ни разу, хотя стоял уже конец марта.

В общем, так я и шел, прикидывая, стоит ли идти на четвертый и пятый уроки — русский язык и литературу, или куда направиться в том случае, если все-таки ходить туда не стоит, как вдруг ни с того ни с сего меня полностью отвлекло от моих мыслей дуновение ветра в лицо. Этот порыв нежного, но в то же время довольно сильного весеннего ветра, напоенного необыкновенной свежестью, энергией и запахами тысяч дорог, навсегда запомнился мне — так, словно бы именно с него началось мое взросление.

На уроки я решил не ходить в тот день вообще, а вот до школы прогулялся. В скверике, примостившись на спинке скамейки, сидели пацаны с нашего потока, Муха, Адик и Мура, да пара девчонок из классов годом младше, Натаха и Сайка. Они общались и громко, вызывающе смеялись, чуть ли не на весь парк, слышно их было издалека. Подойдя поздороваться, я заодно стрельнул у них сигарету. Они сказали, что в школе на первых двух уроках были, но свалили с третьего.

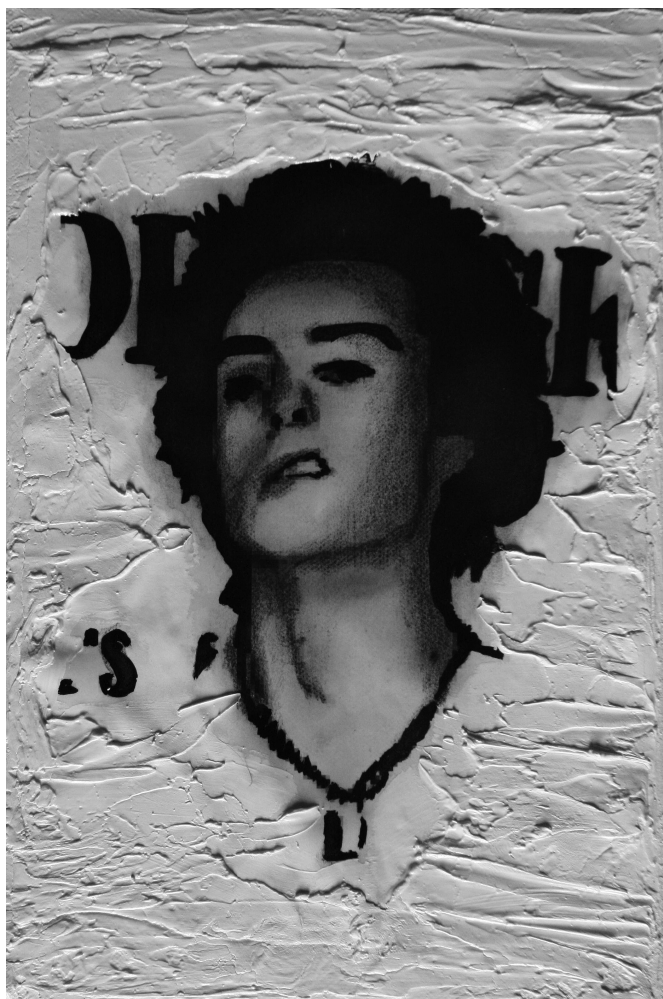
Закуривать сигарету сразу я не стал, чтобы не спалиться прямо перед школой. Вместо этого, обойдя здание с тыльной стороны, я вышел прямо на тот угол, где все наши обычно курили. В принципе от учителей и завуча никто сильно не прятался. Что бы они нам сказали? Атмосфера в конце восьмидесятых была достаточно нездоровой. Большинство преподавателей предпочитало не связываться напрямую с явными участниками молодежных банд, хотя на собраниях регулярно поднимались вопросы о том, почему отдельные ученики как-то по-особенному одинаково одеваются, здороваются и все такое. Разумеется, драки и случаи вымогательства и избиений отдельных учеников скрыть было невозможно, особенно от родителей жертв. Школьное руководство старалось сотрудничать с участковым инспектором. Но выявлять и пресекать подобные противоправные действия всеми доступными средствами оказалось невозможно. Ведь шло уже не первое десятилетие, как улицы миллионного города жили по неписанным правилам этих активно расплодившихся банд. Помню, когда нас с Федяном выставили с урока этики и психологии семейной жизни, нас отправили в учительскую. Директор запрещал ученикам и посторонним находиться в здании школы вне классных помещений во время уроков. В учительской от нечего делать мы порылись в шкафчиках и обнаружили целые досье на некоторых пацанов и даже карту нашего района

с указанием отдельных мест в сквере и во дворах, где были замечены регулярные сборища больших групп подростков. Впечатление было неприятное: ведь оказалось, что за нами следят, наши действия записывают и на нас доносят, а мы и не подозреваем.

За углом, «на курилке», одиноко стоял, подпирая стену, мой одноклассник и кореш Федян. Он, как и я, был СПС, сам-по-себе, то есть пацан не при делах и не из банды. Мы с ним нередко прогуливали уроки вместе и довольно много, живо общались. Нам было о чем поговорить, особенно за панк-рок. Кроме нас, в городе эту музыку слушали очень немногие. У одного парня с нашего района, но из другой, более престижной школы как-то гостил по программе обмена американец, который записал ему на кассету сборник панк-рока. Самому ему вроде бы не понравилось, а вот для нас с Федяном эта кассета стала настоящим откровением. Помню, как тот типок поставил ее, когда мы заходили к нему прогуливать урок физкультуры, и с первых же гитарных аккордов мы с Федяном просто прилипли к магнитофону и уже не отрывались все девяносто минут, а потом еще и крутанули всю кассету по второму разу. Там было записано много разных групп, в основном английских и американских, и каждая была особенной, но все звучали просто фантастически.

Федян общался с неформалами, потому что болел за «Кайрат», местный футбольный клуб,

выступавший в Высшей лиге, и на стадионе собиралась довольно внушительная толпа его дружков, футбольных фанатов, превосходившая количеством любой «район» средней руки. Хотя поодиночке многим из этих парней с длинными волосами или бритыми висками жить на своих районах приходилось довольно сложно, когда они собирались на матч или шли всей своей толпой на концерт, никто из дворов не решался на них наехать. В будние дни Федян тусовался с ними у двадцативосьмизатжки. Я нет-нет к ним и захаживал, когда болтался по городу, — и на тусовку, и на Южную трибуну. Швед, Федяновский друган из физкультурного, рассказывал много интересных баек про свои выезды, на третьей полке или автостопом по стране, даже через Финский залив на надувном матрасе, про города, вписки, людей, приключения. На стадионе он преображался, горланил в рифму прикольные речовки, которые мы подхватывали хором, или делая сальто-мортале прямо с зажженной сигаретой в зубах. В основном благодаря ему их фанатскую группировку «Южный легион» знали и по Союзу. К ним в гости тоже нет-нет и выбирались такие же, как они: «спартаковские», «зенитовские», — правда, мало и редко. Далеко, да и город по союзным меркам неформалов считался опасным, или, по их выражению, «гоповским». Наших же, «кайратовских», уважали за самоотверженность, с которой они следовали за любимой командой на огромнейшие расстояния вокруг

одной шестой суши планеты. Федян, например, все лето провел в выездах со Шведом, даже на «Монстров рока» попал в Москве. Поэтому у него точно полно было всяких знакомых и потенциальных вписок по всей нашей огромной стране. Я мысленно прокручивал все это в голове, подходя к курилке.

— Здорово, Федян. — Он широко улыбнулся в ответ, пожимая руку. — Как она?

— Потихоньку. Русский уже начался. Вот стою думаю — заходить, нет.

— Давай прогуляем, а? — говорю, прикуривая от его бычка.

— Давай! А куда двинем?

— Не знаю. Может, опять в «Искру», мультики смотреть за десять копеек? «Ёжика в тумане».

— Так там утренний сеанс через двадцать минут начинается. Не успеем.

— А, да, точно... Классно было бы заломиться к кому-нибудь на хату, но щас никто, наверно, дома не сидит. Все, типа, учатся.

— Может, к Коту в кинотехникум заскочим? Он только с выезда вернулся.

— Да ты че! А где матч был?

— В Кишиневе.

— И он в такую даль один ездил?

— Они вдвоем со Шведом.

— Круто! — И, чуть помолчав, добавляю: — А сам не хотел бы сейчас тоже сорваться куда-нибудь прокатиться?

Федян ухмыляется с каким-то довольным видом. Заметно, что у него такая мысль тоже в голове уже давно гуляет.

— Давай куда-нибудь рванем, а, Федян? — продолжаю, воодушевляясь, я. — Прямо сегодня. Мы бы тоже могли, как Кот со Шведом, классно же. Снялся, поехал...

— Да сейчас просто все матчи в ближайшие три недели будут домашние.

— А зачем обязательно на футбол? Можно и не на матчи, просто так, пофиг. Прикинь, все на химии, а мы в вагоне катим по всей стране, блин, вот красота.

— А поехали как раз с Котом перетрем на эту тему, пусть расскажет, что там да как сейчас на трассе.

— Давай с ним почирикаем, — соглашаюсь я.

И мы выходим со школьного двора, пролазим через дыру в сетке-рабице прямо под окнами кабинета химии, воодушевленные принятым решением и сделанным выбором. Свежий мартовский ветер продолжает ерошить волосы и нежно обдавать лицо запахами тысяч дорог. Ярко светит ласковое весеннее солнце.

2

Тем временем урок химии заканчивался у старшеклассников, в 10 «Б». Султанбек Галиев, угрюмый, молчаливый тип, пользующийся непререкаемым

авторитетом в среде городской шпаны, не мог отвести глаз из-под третьей парты слева. Филипп Башмачков, новенький, парнишка с аккуратной стрижкой «молодежная», который перешел в нашу школу с начала календарного года, приехал сегодня в нулёвых бежевых туфлях немецкого производства с пряжками. В принципе, Башмачков был довольно безобидным мальчиком (потому что никто бы не назвал его пацаном), учился не очень, но был неплохо подкован в политэкономии, и его почти сразу назначили комсоргом.

«Вот эти “салики” бы мне не помешали, — думал Султа. — Сейчас у каждого щегла на районе нормальные шкеры, почти все уже мотаются или в “адиках”, или в “саликах”». Кроссовки «Адидас» он себе накатал на прошлой неделе в 56-й школе, как раз в цвет к спортивному костюму «Пума», который он снял во второй четверти во время общего рейда по микрам. А вот туфли «Саламандер» он себе приглядывал по городу еще с начала весны. Он и не ожидал, что они заявятся к нему прямоком в класс.

— Башмак, иди-ка сюда, — эти не предвещающие ничего доброго слова Филя услышал на перемене сразу вслед за тем неприятным видом уличного посвиста, который слышишь, когда кто-то, вытянув губы в трубочку, громко втягивает в себя воздух, вместо того чтобы выдыхать. Султанбек, лидер местной шпаны, стоял

в компании одноклассников Санька и Вована с «Крепости» и девятиклассника Мухи, «халифатовского» щегла.

Хоть Галиев и недолюбливал Башмака за его активность в школьной ячейке ВЛКСМ, но вроде до сих пор нормально с ним здоровался, и никаких проблем с ним не возникало, поэтому Филипп, отогнав набежавшее чувство тревоги, подошел к пацанам, напустив на себя довольно беспечный и приветливый вид.

— У тебя какой размер обуви? — при этом вопросе к Филиппу сразу же вернулись все сомнения и начала доходить вся неприятность ситуации, в которой он невольно оказался.

— Тридцать девятый, — соврал он не моргнув глазом.

При этих его словах Муха сощурился и присел на корточки, внимательно разглядывая новые Филины туфли «Саламандер», потом медленно поднялся.

— Он пиздит, Султа, — прогнусавил он. — У него сорок второй, сто пудов.

У Галиева в глазах промелькнуло что-то такое, отчего у Филиппа вдоль позвоночника побежал неприятный холодок.

— А ты знаешь, что за наёб в косяк загоняют? — тихо спросил он.

Филипп догадался, что за то, что он соврал, теперь у него не только отнимут дефицитную обувь, за которой мать полдня отстояла в очереди, чтобы

подарить ему на день рождения, но еще и будут вымогать деньги. Он попытался быстро сориентироваться, несмотря на дикую дрожь в коленях. Что можно сделать в этой ситуации? Лучше всего было бы позвать на помощь. Если бы только в этот момент появился кто-нибудь из преподавателей. Тогда этим хулиганам пришлось бы отвечать не только перед педсоветом, но и перед милицией. Иначе они уже не отстанут. Никогда. Ни за что. И тут он решился попытаться уйти от уже вовсю нависавшей над ним тени зловещей судьбы.

— Ладно, ребята, я лучше пойду...

И он предпринял самую отчаянную из возможных попыток обойти стороной Султанбека, оттиснув к стене Вована, но мгновенно получил такой удар в солнечное сплетение, что на минуту весь мир поплыл у него перед глазами, пока он пытался глотнуть воздуха и восстановить нормальное дыхание. Часто открывая рот и шлепая губами в попытке вздохнуть, он стал похож на рыбу, которую забавы ради вытащили из аквариума и бросили подышать на подоконнике первоклашки. Он лишился всякой возможности упираться ногами и сопротивляться, пока его тащили в сторону мужского туалета и с силой вталкивали внутрь. Филипп успел восстановить дыхание, но сильный толчок и нарушение равновесия, пока он мешком летел на противоположную стену и сползал по грязному белому кафелю, все еще не давали ему возможности нормально соображать.

— Снимай «салики», ты, чертобес, падла, ком-сюк. — Султанбек, не давая Филиппу опомниться, сильно и быстро провел ему двумя пальцами по глазам, отчего у него из глаз посыпались искры.

Он понял, что теперь у него не только будут все время вымогать деньги, но с ним еще и никто не будет здороваться за руку. Почему ему так сильно не повезло? За что жизнь так сурово и незаслуженно наказывает его? Неужели только за то, что он послушал внушения отца и пытался наверстать посредственную успеваемость активностью в комсомольской ячейке? Самое обидное, что ему никогда особо не нравились все эти комсомольские собрания. Ему стало жалко себя, и из глаз невольно потекли слезы. Видимо, этот человек морально сломался именно в тот момент. Он пытался сдержать слезы, но они продолжали течь, вместе с соплями, пока он снимал свои новые туфли и отдавал их своему неумолимому однокласснику.

3

Из многолюдной, разноцветной толпы на перроне неожиданно появлялись всё новые знакомые лица. Новость о нашем скоропалительном отъезде успела широко распространиться, пока мы занимали у знакомых деньги на билеты и еду. Железнодорожные билеты обошлись нам по пятнадцать рублей, потому что их нам купили вполцены Кот

с однокурсником по своим студенческим билетам. Хорошо было бы, конечно, иметь с собой еще и справки со школы на случай проверки, но откуда их взять? Я сам был удивлен при виде количества пришедших проводить нас в дальнюю дорогу. Кто-то из них желал нам счастливого пути, кто-то говорил, что завидует нам. Однако у нас не возникало и тени сомнения, что никто не сдаст нас родителям и нас не снимет с поезда милиция на полпути.

У меня в жизни так не захватывало дух, как в тот момент, когда поезд наконец тронулся в пять вечера. Впереди лежала долгая и большая дорога. Сама жизнь впереди была долгой и большой, и, пожалуй, это от нее самой в тот момент у нас так сильно захватывало дух. Так чего было ждать? Надо было жить, двигаться, видеть как можно больше интересного, вдыхать ветер перемен, такой же непостоянный и изменчивый, как сама наша жизнь.

Например, самый красивый закат, конечно же, можно было увидеть только из окна прокуренного тамбура, как я и предполагал. А как приятно было засыпать под стук колес плацкартного вагона! Я занял нижнюю полку, Федян растянулся на верхней. Около пяти утра меня растолкал проводник: «Эти ты выходишь на Тюлькубасе?» — «Че? Где?» Я даже не сразу понял, о чем он говорит. «Я же до Москвы еду, братан!» — «А, извини». И он пошел дальше. Я снова заснул.

В эту ночь мы оставили позади зеленые долины юга. С утра в окне потянулись сухие, бесплодные степи, однообразные на сколько хватало глаз, до самого горизонта. Мы много времени проводили в тамбуре. Несмотря на начавшийся сигаретный дефицит, «Полетом» и «Риском» без фильтра мы затарились основательно. На еде, правда, приходилось экономить. На обед скинулись мелочью и пришли в вагон-ресторан взять по паре роголиков да бутылку «пепси-колы». Буфетчик открыл нам бутылку, но, когда мы попросили стаканы, он радостно так ухмыльнулся, подмигнул нам и говорит: «А вы, ковбои, пейте из горла прям». Мы с Федяном переглянулись и, не сговариваясь, развалились на скамейках за ближайшим столиком, закинув на стол ноги в стоптанных адидасовских кроссовках. «Э-э, ребята, вы что делаете?» — буфетчик не только встревожился, но еще и, кажется, возмутился. «Так ты ж нам сам сказал, как ковбои, пить», — удивился Федян. Тогда он с недовольным видом вынес нам пару граненых стаканов. «На, бери, только ведите себя нормально, по-человечески».

Вторые сутки, как и первые, не отличались разнообразием ни снаружи, в степях за окном, ни внутри плацкартного вагона № 13. Ландшафт менялся с голых холмов и скал на плоские степи и даже полупустыню. Убогие саманные мазанки, одинокие могилки, совхозы, сборно-щитовые дома с шиферными крышами, полустанки, возможно населенные

исключительно путевыми рабочими в оранжевых жилетах. Городки, застрявшие в укладе пятнадцатого века, с незаасфальтированными улицами, тонущими в весенней хляби «Запорожцами» да «Москвичами» и клонированной водонапорной башней из рыжего кирпича у каждого вокзала. Мы развлекались тем, что рассказывали всякие небылицы про столичную жизнь другим пассажирам. Просто придумывали всякую чепуху прямо на ходу и с упоением гнали. Бабули всему верили, цокали языками и качали головами. В общем-то, можно сказать, что просто было настроение хорошее, вот мы его и поднимали всем окружающим. Потом заехали с ними в подкидного. По вагону периодически пробегали торговцы, раскладывали книжки, сувениры, трясли перед глазами вкусной на вид копченой рыбой из Сырдарьи, но мы терпели. Торговцы мчались дальше. А скорый поезд все бежал и бежал, с востока на запад и с юга на север, оставляя все дальше и дальше позади все привычные, обжитые подворотни и насиженные скамеечки нашего района.

Под конец второго дня мы проезжали необычный город, весь такой нарядный, разноцветный, многоэтажный, совершенно непохожий на остальные советские города. Наш сосед, грузный молчаливый мужик, у которого мы как-то до этого стырили булочку с изюмом, ни с того ни с сего начал нам рассказывать про этот город, Карабулак, что там открыли большое нефтегазовое

месторождение, что дома эти были возведены строителями из Чехословакии и ГДР, что открытая нефть положит начало большому международному проекту, о том, зачем вообще нужны нефть, газ, как их ищут и так далее. Мы с Федяном почти ничего не поняли, но подумали, что интересно было бы, наверное, пожить в этом городке. Станция называлась «Казахстан». После нее, на третьи сутки, пейзаж начал стремительно меняться и оживляться. Города сменялись густыми лесами, равнинами, лугами с живописными деревеньками, широкими реками. Теперь мы ехали по России.

Нетерпение начало нарастать по мере приближения к Москве. Подмосковье представлялось бесконечным. Каждая маленькая станция казалась предпоследней, но они всё тянулись и не кончались. Но вот, наконец, мы въехали на территорию Казанского вокзала, и уже через несколько минут мы смогли выпрыгнуть со своими нехитрыми пожитками на твердую землю. По перрону мимо нас прошло с хмурым, сосредоточенным видом около пятнадцати человек в широких штанах и кепках. Казанские пацаны. На нас они не обратили никакого внимания. Они приехали грабить и вымогать деньги у своих московских сверстников. Известная история. Ажиотаж вокруг молодежных банд и уличного насилия в советской прессе концентрировался вокруг Казани, возможно, как раз из-за их дерзких набегов на столицу. А если бы и Алма-Ата

находилась на том же расстоянии от Москвы, что и Казань?

Через подземный переход мы вышли на широкий проспект, залитый ярким солнечным светом. Да-а-а. Это действительно гигантский город. Все движется, мельтешит, торопится. Не знаю, приятно ли здесь было бы жить, но побывать явно стоило. И еще как! А разве у нас с Федяном был шанс приехать сюда от школы с экскурсией? Нас никогда не принимали в экскурсионные группы.

Вообще-то раньше Москва была совсем другой. Федян рассказывал мне за эту тему, пока мы бродили по району Маросейки. Почти всю свою историю она была небольшой, довольно тесной, уютной и двухэтажной. Городом больших, открытых пространств и размашистых панорамных перспектив она начала становиться уже в нашем веке. Но именно это нас подкупало в Москве, соответствовало нашему настроению. В одном из подземных переходов нас подозвали четверо парней старше школьного возраста, с кавказской внешностью. Мы сразу почувствовали опасность, но я без колебаний подошел прямо к ним и поздоровался за руку, как со старыми знакомыми. Кавказцы, вроде бы до этого прикидывавшие нас на взгляд, разговорились со мной, начали расспрашивать про Алма-Ату. Особенно их почему-то интересовало наличие у нас в городе «волосатых». «Не, братан, у нас бы таких сразу под пресс пустили, ты че, у нас их нету, это же тебе не Москва», — отвечаю я.

«А здесь этих мразей фашистских полно, мы их специально ходим, ищем и мочим», — говорит мой новый знакомый и показывает, что руки у него специально забинтованы эластичными жгутами. В общем, отделались мы от них довольно быстро и без проблем, хотя один и попросил у Федяна значок поносить. Я его отмазал, типа, он не может его снять, подарок от любимой сестры на память. Федян остался при своем значке.

Перекусив в пельменной, мы отправились в Бирюлево, район, где жил Туча, знакомый Федяна, из «коней». Нам пришлось попетлять, пока мы нашли нужный адрес. Это был район многоэтажных домов-муравейников. В тусклых подъездах темнели входные двери с несколькими звонками, потому что за первой входной дверью открывался коридор с десятком квартир. Нам открыла его бабка со смешным акцентом, то ли башкирка, то ли татарка. «А, опять хванаты! Нету его. Шкандыбається где-то, не знаю я». Пока ждали его во дворе, решили взять пива в гастрономе, еще и потрещали с местными мужиками в очереди. Тех удивил наш внешний вид — плащи и кепки, здесь молодежь так не одевается. «Ребята, вы из мафии, что ли?» — ну и дальше на эту тему, с анекдотами и прочим. Потом мы расположились на скамеечке, прямо у Тучинового подъезда. Пиво на голодный желудок шло нормально, аж залетало, правда, пьянеть мы начали тоже быстро, и аппетит проснулся недетский. Слава богу,

Туча не сильно припозднился. Он оказался добродушным, флегматичным увальнем, старше нас на пару лет, с густой шевелюрой и щеточкой юношеских усов. Но вот принять он нас у себя дома, к нашему разочарованию, не смог, из-за проблем с отчимом. В ход пошел запасной вариант: в детском садике в его дворе можно было договориться со знакомым сторожем, накидать в одном из помещений маты и спокойно спать до рассвета, пока дядя Боря нас сам не разбудит. «Покатит, не впервой, — прокомментировал Федян. — Фанатский вариант!» Пока общались, взяли еще пива, подтянулись дворовые девчонки, знакомые Тучи. Одна из них, Настя, предложила нам водки, у нее была с собой початая бутылка. Туча отказался, потому что не хотел лишних скандалов с отчимом, а Федян сказал, что не пьет водку. После того как девчонки и Туча начали его подъезывать на этот счет, я просто не мог отказать, хотя ни разу в жизни до этого не пил водку. Взял из рук Насти наполненную до краев стопку и опрокинул в себя, все как надо, как видел у наших дворовых алкашей, хотя эта водка у меня чуть не полезла обратно сразу же. Мало того, я, вслед за первой, попросил ее налить еще. Я же не мог опарафиниться, как Федян, перед симпатичной девчонкой, мне почему-то хотелось произвести на нее впечатление. Тем временем Туча начал рассказывать про нас, как мы свалили из дома, прямо из школы, за три тыщи

километров, просто потому, что нам по настрою стало попутешествовать. У меня тоже развязался язык. И все время, пока разговаривали, я чувствовал на себе Настин взгляд, в котором любопытство, сквозившее с самого начала, постепенно сменялось пониманием и симпатией. От анекдотов мы переходили к каким-то абстрактным рассуждениям «чисто за жизнь». Не помню как, но, когда стемнело, мы всей компанией были уже в садике. Откуда-то появилась еще водка. Пили уже все — и Туча, и Федян, и дядя Боря. Нормальный, кстати, мужик, по приколу. Еще более непостижимым для меня образом я не помню, как оказался с Настей наедине в какой-то темной комнате, как мы целовались, лежа на раскладушке, и как мне потом стало так приятно, как никогда еще до этого в жизни не было...

Память начинает более-менее включаться в рассветные часы следующего дня, когда нас расталкивал дядя Боря: «Давайте, парни, а то нас всех начальство накроет. Вернетесь вечером». Жутко раскалывалась голова. Пока мы бродили по утренним бирюлевским улицам в поисках прохожих, у которых можно было бы стрельнуть сигарет и огонька, нас обоих мучила тошнота. Кроме того, очень хотелось пить. «Во шланги пересохли-то, а», — сокрушался Федян. После восьми отправились к Туче, оказывается, он нас звал к себе утром, когда уйдут родители, этот момент совершенно ускользнул от меня.